

ФИЛОСОФИЯ ХРУПКОГО МИРА: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ПОРОГЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

vsvry@icloud.com

PHILOSOPHY OF A FRAGILE WORLD: HUMANITY ON THE THRESHOLD OF A NEW GLOBAL REALITY

V. Savrey

Summary: The concept of a fragile world is the concept of the fragility of a person, in whose ephemeral and final space the existence of the Universe is revealed. In the world historical cycle, man acts and acts on earth as a «different angel», as a messenger of being, creating civilization and culture with his intellect and creativity in their metaphysical correlation with the eschatological purpose of history as a project that opens up the prospect of human reality in Divine eternity.

Keywords: God, faith, eternity, time, life, history, culture, peace, responsibility, anxiety, death, threat, philosophy, civilization, man, existence, epoch.

Аннотация: Концепция хрупкого мира – это концепция хрупкости человека, в эфемерном и финальном пространстве которого открывается существование Вселенной. В мировом историческом цикле человек выступает и действует на земле как «иной ангел», как посланник бытия, создающий своим интеллектом и творчеством цивилизацию и культуру в их метафизической соотносительности с эсхатологическим предназначением истории как проекта, открывающего перспективу человеческой реальности в Божественной вечности.

Ключевые слова: Бог, вера, вечность, время, жизнь, история, культура, мир, ответственность, тревога, смерть, угроза, философия, цивилизация, человек, экзистенция, эпоха.

Рождение и смерть человека не могут быть пережиты им самим как события его личной жизни и выступают для него самого в значении метафизических символов трансцендентальной реальности. «Потеря себя не есть разлука с собою – качественно определённым и любимым человеком, ибо и моя жизнь-пребывание не есть радостное пребывание с самим собою как качественно определённой и любимой личностью» (Бахтин М.М. Поэтика словесного творчества. М., 1979. С.93). Человек как сознающее себя я не может разлучиться с самим собой, и объективная оценка значимости всей его жизни принадлежит не ему, а другим. В эстетической трактовке М.М. Бахтина, человек – не ценностный герой своей жизни, а автор прожитого им пространства-времени. Однако в экзистенциальной плоскости это переживание пространственных и временных координат несколько не снижает «нравственного сознания своей смертности и биологической функции страха смерти» (Там же. С.94).

На тёмном фоне не утихающих в сегодняшнем мире беспокойств и тревог просвечивает общая тенденция воспринимать бытие как реальную позитивность, обретающую онтологическую и ценностную значимость в экзистенциальной парадигме человеческой личности, поскольку, как утверждает Виктор Франкл, один из признанных авторитетов в области современной психологии, «не только мир существует в сознании... но и сознание существует в мире» (Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. München, Piper, 1979, S.236). Жизнь человечества метафизически соотносится с об-

щим бытийным универсумом, где человек занимает место между физической Вселенной и символической вселенной, созданной его интеллектуальной и творческой деятельностью, ибо «человек находится внутри бытия» (Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С.262). Хрупкость и эфемерность индивидуальной человеческой жизни создают предпосылки для постановки метафизической проблемы, касающейся оценки существования человеческой личности не только в координатах исторического времени, но и в парадигме её соотносительности идеальному и абсолютному порядку вечности как финальной инстанции в трансцендентальном предназначении человека. Как отмечает Ж. Деррида, в европейской философии XX века проговаривается «метафизическое единство человека и Бога» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 145). В сущностной значимости этого единства он усматривает «проект, задающий человеческую реальность» (Там же. С.145), делая при этом оговорку, что «атеизм ничего не меняет в этой фундаментальной структуре» (Там же. С.145). Догматика открыла перед философской мыслью «недоступные грекам горизонты» (Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С.486). В ноэтичном умозрении Григория Назианзина, «Бог поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника. Зритель видимой твари, таинник твари умо-созерцаемой, человек поставлен на грани двух миров». С этого момента начинается история. «История Древнего Востока – первая глава истории цивилизаций, генетически предшествовавшая эллинизму и христианству» (Тура-

ев Б.А. История Древнего Востока. Ч.1. СПб., 1913. С.1-2).

Эпоха Нового времени, ознаменованного погружением человека в состояние упоительной эйфории, вызванной успехами научно-технического прогресса и комфортными условиями материального существования, как будто остаётся за порогом истории. В настоящее время всё больше осознаётся значительная или даже полная утрата человеком нашей эпохи ответственного отношения к миру трансцендентальных смыслов и ценностей. В условиях начавшейся эпидемии вируса Covid – 19, когда жизнь людей на всех континентах земного шара оказалась подвергнутой смертельному риску, когда человечество впервые в планетарном масштабе осознало хрупкость нашего мира, постановка вопроса о безусловном характере ценности человеческой жизни в метафизической парадигме экзистенциальной и мировоззренческой проблематики приобретает ключевое смысловое значение.

«Если бывает какое-либо пробуждение ценностного сознания, то именно нашему времени оно необходимо» (Гартман Н. Этика. М., 2002. С. 99). Жизнь человека в мире стала представляться нестабильной, хрупкой, лишённой каких-либо безусловных и абсолютных гарантий. Хрупкость биологического человеческого существования, хрупкость бытия человека в беспокойном и нестабильном мире присутствуют в структуре бытия как бы вопреки уникальной ценности человеческой жизни. Поэтому смерть каждого отдельного человека воспринимается человеческим сознанием как финал, совершаемый под знаком обесценивания бытия, теряющего свою онтологическую значимость и вместе с ней свою полноту и достоинство. Философия современного хрупкого мира лицом к лицу стоит перед той же самой проблемой, над рациональным решением которой философская мысль человечества билась на протяжении многих веков. Очевидно, следует признать, что вторым аспектом этой проблемы в пространстве мировой интеллектуальной культуры всегда оставался вопрос философской и прежде всего ценностной интерпретации метафизического смысла человеческого предназначения, к обсуждению которого нужно вернуться в наше время, ибо «концептуальный анализ истории освоения ценностного мира всё-таки должен был когда-то начаться» (Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С.32).

Интуиция хрупкости человеческого существования в нашем материальном мире, так же как и сознание эфемерности и призрачности земного счастья, исконно присущи экзистенциальному опыту человека. По мысли Эдуарда Гартмана, страдание в мире возрастает «с развитием организации от первоначальной клеточки до возникновения человека» (Гартман Э. Философия бесознательного. М., 1875. С. 359), и оно будет возрастать

«вместе с поступательным развитием человеческого духа до тех пор, пока цель не будет достигнута» (Там же. С.359). Но мы, утверждает Э. Гартман, не имеем выбора, мы должны идти вперёд, «хотя бы и поневоле» (Там же. С.360). Перед человечеством открывается «не золотой, а железный век; и мечты о золотом веке в будущем ещё нелепее, чем предположение его в прошедшем» (Там же. С. 360). В своей личной жизни человек не может преследовать счастье, равно как и радость, в качестве достижимой цели. В. Франкл считает, что эта мысль нашла своё удачное выражение в максиме С. Кьеркегора: «Дверь к счастью открывается наружу» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.170). Как экзистенциальное достоинство бытия, чаемое человеком счастье представляется онтологической альтернативой недостойнства человека. «Разными человек мучит себя желаниями, и когда многого ищет, самое драгоценное своё теряет сокровище, то есть спокойствие душевное» (Платон, митрополит Московский. Сочинения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. С.93). По мысли Н. Гартмана, «человек не имеет моральных качеств для обладания счастьем в полной мере – точно так же, как и в случае других ценностей» (Гартман Н. Этика. М., 2002. С. 363). Это утверждение Н. Гартмана следует отнести и к категории самой человеческой жизни, если её считать высшей ценностью, за пределами которой становятся невозможными, исчезая и упраздняясь в своей бытийной значимости, все другие ценности. В онтологическом плане человек обнаруживает своё финальное бессилие противостоять потери той абсолютной, универсальной и всеобъемлющей ценности, какой является его жизнь. В условиях разыгравшейся вирусной стихии, когда риск преждевременной гибели становится почти неотвратимым, «ни полиция, ни армия, никакие институты власти ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической гибели одного или нескольких людей» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 100). Уникальность современной ситуации заключается в том, что в отличие от прежних эпидемий, носивших относительно локальный характер, эпидемия вируса Covid – 19 охватила мир в глобальном масштабе, став глобальной угрозой смерти для всех людей.

На ситуацию переживания страха угрозы смерти люди способны реагировать по-разному, как, например, в условиях фронтовой обстановки, где в любое мгновение времени над каждым участником боевых действий висит мрачная тень смерти. Один человек теряет самообладание, подвергаясь иррациональному, парализующему волю и мысль влиянию охватывающей его стихии ужаса смерти. Другой человек способен сохранять самообладание, умея своими волевыми рациональными действиями успешно противостоять угрожающей опасности. В. Франкл в своей книге «Человек в поисках смысла» приводит параболу, отражающую своеобразие феномена трансцендентальной свободы человека, ко-

торая, согласно М. Мюллеру, способна преодолеть компромисс между эмпирической свободой и этической ответственностью человека (Muller M. *Der Kompromis oder Vom Unsinn und Sinn menschliches Leben*. Freiburg – München, 1980. S. 142). «Я часто иллюстрирую эту способность следующей историей. Во время первой мировой войны военный врач, еврей, сидел в окопе со своим приятелем-неевреем, полковником-аристократом, когда начался сильный обстрел. Полковник поддразнил приятеля, сказав: «Бойтесь ведь, а? Ещё одно доказательство превосходства арийской расы над семитской». «Конечно, боюсь, – ответил врач, – но что касается превосходства, то если бы вы, мой дорогой полковник, боялись так, как я, вы бы давно уже удрали». Значимы не наши страхи и не наша тревожность, а то, как мы к ним относимся» (Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 78 - 79). В качестве комментария, способного прояснить мысль В. Франкла, можно указать, например, на текст триумфального церковного гимна, который исполняется в праздник Рождества, совпадающий с днём избавления Державы Российской от нашествия галлов, в котором слова «страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог» заключают конкретный религиозно-этический смысл: тем, кто находится с Богом и имеет страх Божий, абсолютно чужд тот биологический страх, который приводит в трепет «языки», т.е. народы, не знающие Бога.

Жизнь человека, какой бы продолжительной она ни была, всегда представляется мимолётной и скоротечной. В Священном Писании кратковременность земной человеческой жизни сравнивается с паром, выдыхаемым человеком на морозном воздухе. «Ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак. 4,14). В истории церемониальной культуры Японии существовал древний обычай. Когда начиналась зима, император со своей свитой выходил из дворца, чтобы наблюдать картину первого падающего снега. Хрупкость снежинок, падавших на ладони придворных чиновников и таявших в одно мгновение, сравнивалась с мимолётностью человеческой жизни. При всём этом, однако, в условиях эмпирической ущербности бытия, человек признаётся обладателем исключительной и ни с чем не сравнимой привилегии противостоять хрупкости жизни своим умозрением и созерцанием, своей творческой деятельностью, своей способностью к выживанию в те моменты своей экзистенциальной судьбы, которые носят характер глубоких, быть может, даже затянувшихся, тяжёлых и трудно преодолимых кризисов.

Нравственный кризис, о котором у нас заговорили во весь голос относительно недавно – позже, чем о кризисе экономическом, – это не что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести, нередко без возможности какого-либо реального выбора, при отсутствии путей найти в ней позитивный смысл из-за разрушения старых

ценностей и традиций (Леонтьев Д.А. Виктор Франкл. Вступительная статья // Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С.5). Возвращение к традиционным религиозным и мировоззренческим ценностям открывает путь к обретению утерянного смысла существования. Радикальное изменение этического сознания несёт человеку освобождение от раздирающего душу чувства вины, погашение которой актуально осуществляется в стремлении впредь поступать лучше: «In Zukunft besser zu handeln» (Р. М. Zulehner. *Umkehr: Prinzip und Verwirklichung am Beispiel Beichte*. Frankfurt a. M., 1979. S. 47). Обновление духа соотносится с общей парадигмой обновления картины человеческого существования, в которой «новое нас окружает со всех сторон» (Рудольф Эйкен. *Философия истории // Философия в систематическом изложении*. М., 2006. С273) и постоянную смену парадигм, которую следует признать «фундаментальнейшим фактом современной жизни» (Там же. С. 273). В этом «новом» неизменно содержится тот контент, который был новым и для прошлых поколений людей, актуализируя ценностный смысл их земного существования. Ценностное пространство универсума открывалось для них, как и для нас, в грандиозности мироздания и в безусловном величии культурного наследия человечества, впечатляющего многоликостью своей неисчерпаемой полноты. По мысли М. Фуко, провозглашённый эпохой модерна смысл исторического прогресса, утверждаясь на универсальных началах разума, отравил западную цивилизацию с её рефлексией на созданную человеком вселенную, сотканную из символов языка и культуры, где «сам человек тем ближе к собственной гибели, чем ярче светит на нашем горизонте бытие языка» (Foucault M. *Order of Things*.

New York, 1970. P. 386). Положение человека как агента цивилизационного исторического процесса характеризуется открытием новых горизонтов и новых возможностей. Но «осознание своих собственных неповторимых возможностей подвергает нас всем опасностям, которые таятся на дне свободы: мы вступаем в неразрешимые конфликты, мы терзаемся чувством вины, теряем чувство обеспеченности, мы как бы балансируем на канате над бездной небытия» (Левицкий С.А. *Трагедия свободы*. М., 2008. С.477). Созданная человечеством символическая вселенная способна восхищать ум и творческий энтузиазм человека своей грандиозностью и великолепием. Эта вселенная строилась трудами и подвигами гениев, художников, героев и святых на протяжении истории веков, культур и цивилизаций. Существование этой вселенной надделено глубоким метафизическим смыслом, сокрытом и потаённым в её провиденциальном предназначении в отношении к трансцендентальному характеру вечности, когда откроется новое небо и новая земля (Откр. 21,1), где восторжествует вечная правда. Если физическая Вселенная устроена так, как она существует, поскольку никакого другого варианта существо-

вания Вселенной нет и не может быть, то и исторический путь человечества является именно таким, каким только он и мог быть. Глобальная деятельность человека в мире оказалась не только продолжением бытия – становления, но и созданием новых форм бытия из реализации человеком его потенциальных возможностей. (Поросенков С.В. *Существование и деятельность в определении ценностного отношения*. Пермь, 2002. С.356). В осуществлении этой деятельности «мы становимся полноценными личностями, становимся причастными к подлинному бытию» (Левицкий С.А. *Трагедия свободы*. М., 2008. С.477). В оценке Н.А. Бердяева, «творческий акт человека в природе имеет космогоническое значение и означает новую стадию жизни космической» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.55). Созданный Богом человек обладает совершенно неоспоримым достоинством величия, которое не могло затмить даже его отпадение от Бога. Но то, что произошло в Адаме, повлекло за собой вещественные последствия в каждом человеке, и эта истина древнего учения о грехе проливает свет на судьбу наследников Адама (M. Doerne. *Der Mensch im Urteil der Bibel*. Potsdam, 1939. S. 40). Поль Рикёр поясняет, что «в качестве полемического и апологетического понятия «первородный грех» означает прежде всего следующее: зло есть именно зло, и каким бы оно ни было, оно не обладает ни бытием, ни природой, поскольку исходит от нас, поскольку оно – творение свободы» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2002. С.339). С момента Адамова преступления «грех мира – это та действительность, которая обретает своё присутствие в самих людях» (P. Schoonenberg. *Theologie der Sünde*. S. 122). По причине греха «человек есть существо трагическое, и это трагическое начало делает его неприспособленным к миру, в котором он живёт» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.56). В середине прошлого века Пауль Тиллих писал: «Сегодня наблюдается особый подход к рассмотрению смысла первородного греха, его универсальности, его трагической роли в истории» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С. 391). Человек переживает трагический конфликт не только с природой мира, которую он стремится подчинить своим нуждам, но и со своей собственной природой, с самим собой, где он встречает «противоборство ценностей» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.56), принадлежащих сфере благого и прекрасного. В то же время человек, по Бердяеву, есть существо, облагораживающее природу. Но человек есть также существо, актуализирующее своей жизнью идею Бога и этим облагораживающее самого себя. Экзистенциальная тревога приходит в мир вместе с познанием человеком добра и зла; для человека «космос – это причина гибели и спасения, сотериология – это космология» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2002. С.340). Преобразование человеком окружающего космоса, цивилизационная деятельность человека в мире природы, создание им символического

царства языка, литературы, науки и искусства заключают под своим феноменальным покровом сокровенный метафизический лик. В своей плюралистической многоликости «жизнь не может обойтись без реализации себя в какой-то форме, в определённой культуре, основанной на относительно устойчивых ценностях» (Аббаньяно Н. *Мудрость философии и проблемы нашей жизни*. СПб, 2000. С. 106). История человечества является историей его культуры. История свидетельствует, что «ни одна культура не рождалась и не развивалась иначе, как вместе с религией» (Уотсон П. *эпоха пустоты*. М., 2017. С.646). «Всемирная история направляется с Востока на Запад, т.к. Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия её начало» (Гегель Г. *Философия истории // Гегель Г. Сочинения*. Т.8. М.-Л., 1936. С.98). Как отмечает А.Н. Мещеряков, автор целого ряда книг, посвящённых истории и культуре Японии, «в Европе видна «антропо-генизация ландшафта», там доминирует идея торжества по поводу победы человека над природой, что видно и в «геометричности» западного искусства... такой «искусственный» сад убивает природную красоту» (Мещеряков А.Н. *Terra Nirponica*. М., 2014. С.402). В отличие от европейского сада, японский сад заключает идею «очищения и идеализации красоты природного начала» (Там же. С. 402) и воплощает совсем иной принцип: «из хаотичной и неупорядоченной природы создать порядок и закономерность» (Там же. С. 402-203).

С точки зрения тех принципов, которые полагаются в основание аксиологии и антропологии, символическая деятельность человека в мире отмечена маркером своей безусловной метафизической значимости. Истинное творческое вдохновение имеет своим метафизическим истоком ту окрылённость в сфере интуиции и мирозерцания, которая исходит от причастности к религиозному чувству. По этой причине поэзия подготовила «возникновение философии в Греции» (Дильтей В. *Сущность философии // Философия в систематическом изложении*. М., 2006. С.66). В воззрениях Вильгельма Дильтея поэзия имеет шанс обладать даже особым преимуществом перед философией: «Поэзия выражала идеал высшего человечества свободнее, радостнее и человечнее, чем на это когда-либо была способна философия» (Там же. С.66). Немецкая классическая философия, как в своё время античная греческая философия, была инспирирована наследием великих немецких поэтов. «Там, где греки пришли к концу своего развития, немцы положили новое начало. Немецкие философы были наследниками греческих» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С.355). История новой философии и история современной культуры иллюстрируют отношение человека к феномену жизни, универсальную значимость которой «философы признавали в качестве фундаментального принципа и к которой интеллектуалы апеллировали в поисках новых форм поэзии, романа, искусств и музыки» (Аббаньяно Н. Му-

дрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000. С.104). Эта «жизнь» в своём основном экзистенциальном потоке была лишена подлинно фундаментальных онтологических начал, той метафизической устойчивости, которую ей могла сообщить причастность к высшей неизменной реальности бытия, источником которой на протяжении христианской истории Европы был Бог. Для большинства современных людей их «жизнь» не знала целеустремлённости и святости, не имела познания Бога, не переживала религиозного вдохновения, не подзревала бытия бессмертной души и не жаждала вечного спасения, не имела понятия об ответственности и благодарности за дар бытия как высшей и ни с чем не сравнимой привилегии. Люди продолжают жить надеждой на будущее: самое главное в их жизни будет впереди, и оно станет вершинным переживанием счастья. С точки зрения религиозного сознания там, где действует зло, рождается надежда на торжество добра. «Следует, однако, обладать мужеством, чтобы связать зло с эпопеей надежды; более того, зло неизвестным для нас образом содействует пришествию Царства Божия» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С.531). Жизнь людей наполнена «изменением, преобразованием, развитием, непрерывной чередой рождений и смертей» (Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000. С.104). Вопреки христианскому принципу религиозной ответственности, необходимо предполагающему память о часе смертном, люди гонят от себя мысль о неизбежности смерти и ведут жизнь праздную, суетную, рассеянную, часто безнравственную, нерелигиозную, не благодатную. Перед лицом смерти нерелигиозного человека охватывает ужас перед ничто, от которого «человеку делается жутко» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.21). «Ужасом приоткрывается Ничто» (Там же. С.21). Человек понимает, как это ужасно: ждать смерти и ничего не видеть впереди. И при этом упрекать себя за свою духовную слепоту, за свою инертность, косность и несостоятельность, когда без веры в Бога, без надежды на

его безмерную благодать вступает он в свой предсмертный час и не видит озаряющего его божественного света, не видит светлого небесного чертога, а только ощущает в душе холод, мрак и полную пустоту. «Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман» (Там же. С.20) охватывает его. Без дороги, без путеводной звезды, без проблеска света, без ангела хранителя он гибнет навечно и бесповоротно, без всякой надежды снова вернуться в этот мир, в сферу духовного становления. П. Уотсон назвал наше время «эпохой пустоты». Именно, как полагает В. Франкл, «редукционизм со своей тенденцией реификации, овеществления и деперсонализации человека действует на руку экзистенциальному вакууму» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.47). Указание на вакуум здесь представляется вполне симптоматичным. По предположению В.Франкла, «агрессивные импульсы разрастаются прежде всего там, где налицо экзистенциальный вакуум» (Там же. С.33). Но там, где в душе человека находит своё место вера, там «за человеческим «сверх-Я» стоит божественное «Ты»: совесть – это трансцендентное «Ты» (Frankl V. E. Der unbewußte Gott. Wien, 1948. S. 85). По замечанию Гордона Олпорта, в любой значимой ситуации, «в любой момент сознание человека управляется определённой интенцией» (Allport G. W. Personality and Social Encounter. Beacon Press. Boston, 1960, p.60). Актуализация нравственного и творческого начал в человеческой жизни означает путь к трансценденции, к преодолению дефицита благородства, доблести и достоинства, путь к нравственному преображению мира как величайшему событию, которым завершится история человечества в его земном предназначении с его порядком рождений и умираний. События последнего времени приобретают характер эсхатологического масштаба, предвещая и подготавливая вековые обетования всеобщего воскресения и жизни будущего века, находящегося за пределами исторического времени, за теми гносеологическими горизонтами, которые доступны лишь метафизическому сознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
4. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
6. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
7. Гартман Э. Философия бессознательного. М., 1875.
8. Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Сочинения. Т.8. М, Л., 1936.
9. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.
10. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
11. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008.
12. Леонтьев Д.А. Виктор Франкл. Вступительная статья. М., 1990.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

14. Мещеряков А. Terra Nipponica. М., 2014.
15. Платон, митрополит Московский Сочинения. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
16. Поросенков С.В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь, 2002.
17. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
18. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
19. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Ч.1. СПб., 1913.
20. Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
21. Философия в систематическом изложении. М., 2006.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
24. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
25. Эйкен Р. Философия истории // Философия в систематическом изложении. М., 2006.
26. Allport G.W. Personality and Social Encounter. Beacon Press. Boston, 1960.
27. Doerne M. Der Mensch im Urteil der Bibel. Potsdam, 1939.
28. Foucault M. Order of Things. New York, 1970.
29. Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. München, Piper, 1979.
30. Frankl V.E. Der unbewußte Gott. Wien, 1948.
31. Müller M. Der Kompromis oder Vom Unsinn und Sinn menschliches Leben. München / Alber, 1980.
32. Schoonenberg P. Theologie der Sünde. Einsiedeln Benzinger, 1966
33. Zulehner P.M. Umkehr Prinzip und Verwirklichung am Beispiel Beichte. Frankfurt a. M., 1979.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsrvy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова